

— Завтра я поговорю с твоими родителями, — сказал Лян Юнь, глядя на него своими глубокими чёрными глазами, полными решимости и нежности. — В конце концов, они твои родители, и не может быть, чтобы у них совсем не было возможности понять нас.

Тан Сюй, прислонившись к его плечу, тихо промычал в ответ.

Лян Юнь поцеловал его в лоб и крепко обнял.

Они решили, что на следующее утро сами отправятся в гостиницу к родителям Тана, чтобы честно всё объяснить и попросить их понимания. Однако они опоздали: отец Ляна уже успел нанести визит к родителям Тана.

Тан Сюй до сих пор не знал, что именно отец Ляна сказал его родителям. Он знал только, что когда они добрались до гостиницы, его отец уже лежал на полу в номере, а мать, рыдая, склонилась над ним.

У отца Тана с молодости были вредные привычки: он много пил и курил, что привело к повышенному давлению. Однажды у него уже был инсульт, но после восстановления и занятий спортом состояние улучшилось, и старые проблемы больше не беспокоили. Кто бы мог подумать, что несколько слов отца Ляна спровоцируют у него кровоизлияние в мозг.

Когда внесли носилки скорой помощи, отец Тана уже был без сознания, глаза полуоткрыты и пусты. Взглянув на него, Тан Сюй не смог сдержать слёз.

— Папа, прости, прости... — Он упал на колени рядом с отцом, повторяя эти слова сквозь рыдания.

Отца Тана доставили в операционную. Лучший нейрохирург Шэньчэна провёл операцию, временно остановив кровотечение из аневризмы, но отец так и не пришёл в сознание. Врачи выписали предупреждение о критическом состоянии, сказав, что ситуация остаётся опасной и пациента нужно перевести в отделение интенсивной терапии. Они попросили родных быть готовыми к худшему.

Тан Сюй днём и ночью дежурил в больнице. В отделение интенсивной терапии можно было заходить только на полчаса в день, и он с матерью по очереди навещали отца, но даже этого времени едва хватало.

Однажды пришёл отец Ляна. Узнав, что отец Тана находится в реанимации, он, видимо, почувствовал угрызения совести и предложил перевести его в более комфортабельную палату, а также передал матери Тана крупную сумму денег. Однако мать отказалась и, развернувшись, выбросила деньги в мусорное ведро.

На седьмой день в реанимации состояние отца Тана резко ухудшилось, и он скончался во сне. Мать, не выдержав этого известия, потеряла сознание прямо за дверьми реанимации.

Тан Сюй в одиночку занимался похоронами отца. Поскольку тело отца в чужом городе было сложно сохранить, он решил кремировать его и вместе с матерью вернулся на родину, неся урну с прахом.

Куратор и однокурсники, узнав о случившемся, звонили ему, чтобы выразить соболезнования. Старина Чэнь и Лю Цянь несколько раз приходили в больницу, тайком передавая матери Тана несколько тысяч юаней.

Лян Юнь приходил в больницу каждый день, но Тан Сюй больше не разговаривал с ним.

После возвращения на родину Тан Сюй провёл больше месяца, словно находясь в полусне. Установив надгробие отца, он часто посещал его могилу. Воспоминания о прошлом, проведённом с отцом, неожиданно всплывали в его памяти: как в детстве отец носил его на плечах, как в средней школе он тайком катался на его мотоцикле и разбил фару, за что получил выговор, как на первом курсе отец отвёз его в общежитие и, сгорбившись, помогал ему укладывать вещи...

Тан Сюй пробыл дома больше двух месяцев. У матери продолжались боли в груди, и после нескольких недель бесцельного существования он решил взять себя в руки и заботиться о ней, чтобы она тоже не сломалась. О других вещах он даже не думал.

Он знал, что Лян Юнь всегда рядом. Иногда, когда он ходил в больницу за лекарствами для матери, он видел его высокую фигуру, стоящую под гинкго, вечером, открывая окно, он часто замечал его у клумбы внизу. Лян Юнь никогда не беспокоил его, просто молча ждал, печальный, как одинокая белая тополь.

Накануне возвращения в университет Тан Сюй спустился вниз, чтобы встретиться с Лян Юнем.

Он знал, где тот живёт, и постучал в дверь квартиры 201. Вскоре стройная фигура появилась в дверях.

Лян Юнь, увидев его, мгновенно оживился, и его потухшие глаза загорелись.

Тан Сюй не зашёл внутрь. Он стоял в тусклом свете коридора и тихо сказал:

— Давай расстанемся.

Лян Юнь замер, и весь цвет мгновенно исчез с его лица.

— В будущем, если встретимся, сможем остаться друзьями, — сказал Тан Сюй, глядя на него с пустым взглядом.

— Повтори, — прошептал Лян Юнь, его бледные губы дрожали.

— Мы расста...

Не закончив фразу, он почувствовал, как холодные губы Лян Юня грубо прижались к его. Лян Юнь держал его лицо, почти безумно кусая его губы и высасывая слюну. Его дыхание было горячим, но всё его существо излучало отчаяние и боль.

Тан Сюй почувствовал горький вкус слёз.

Он не сопротивлялся и не двигался. Свет в коридоре погас, и в тишине темноты Лян Юнь постепенно успокоился. Он погладил лицо Тана Сюя и в последний раз поцеловал его в губы.

— Хорошо.

**

В день возвращения в университет Тан Сюй получил посылку. Открыв коробку, он обнаружил ключ и записку.

[Вещи я перевёз. Аренда оплачена на два года вперёд. Можешь оставаться здесь. — Лян Юнь]

Тан Сюй посмотрел на ключ, и в груди внезапно возникла удушающая боль. Он был как человек с притуплённым чувством боли, который только в последний момент осознаёт, что его сердце уже давно пронзено пулей.

Он убрал ключ, разорвал записку и выбросил её в мусорное ведро.

Через несколько дней он вернулся в квартиру, забрал свои вещи и переехал обратно в общежитие. После этого он спокойно готовился к защите диплома и выпуску.

День выпускной фотографии выдался солнечным, с лёгким ветерком, в воздухе витало благоухание гардений.

Однокурсники в мантиях с волнением и радостью позировали перед статуей у библиотеки, постоянно поправляя позы для камеры. Тан Сюй стоял в самом конце заднего ряда, пытаясь улыбнуться, но понимал, что у него ничего не получается.

В этот момент он увидел вдалеке, в конце аллеи, стройную фигуру, стоящую под платаном.

Расстояние было слишком большим, чтобы разглядеть лицо, но у Тана Сюя возникло сильное предчувствие, что это Лян Юнь.

— Все, смотрите в камеру! На счёт три подбрасывайте шапочки вверх!

— Раз, два, три!

Все с криками подбросили свои шапочки в небо, только Тан Сюй замер на месте. В тени густых деревьев тот человек уже исчез.

Это было пять лет назад, и он видел Лян Юня в последний раз.

Тан Сюй проснулся до рассвета.

Привычка рано вставать на съёмках ещё не прошла. Он немного полежал в постели, вспомнив о предстоящей в пятницу пробе, и быстро встал, чтобы собраться и умыться.

Он включил настольную лампу, сел за стол и перечитал вчера распечатанный сценарий. Сценарий он написал сам, разработав несколько сцен на основе оригинала, которые планировал использовать для подготовки к пробе.

Он приглушил свет лампы, сел на стул, закрыл глаза и медленно расслабил все мышцы. Когда он открыл глаза, его взгляд изменился. Он смотрел на затемнённую комнату, легонько постукивая пальцами по подлокотнику кресла, с уверенным и властным взглядом, словно император, сидящий на троне и взирающий на своих подданных.

— Что вы хотите доложить, любые новости?

Его голос был низким, с утренней хрипотцой и непринуждённостью. Взгляд скользнул по комнате, остановившись на одной точке, как будто перед ним стоял министр, докладывающий о важных делах.

Он опустил глаза, сосредоточенно глядя на воображаемого «министра», в глазах мелькнула задумчивость.

— Одобряю. Пусть этим займётся Министерство церемоний, всё должно быть скромно.

Закончив выслушивать доклад, он холодно поднял веки и посмотрел на другого «министра» справа.

— Министр Чжан, как продвигается расследование дела о коррупции в Северном лагере?

В ответ была только тишина, но он, казалось, уже слышал слова подданного, и на его лице появилось недовольство.

— Уже более двух месяцев, а прогресса нет. Ты ещё смеешь говорить, что прилагаешь все усилия?

Он усмехнулся, крепко сжав ручки трона, и медленно закрыл глаза.

В груди закипели странные эмоции, и Тан Сюй почувствовал, будто внутри него отделилась другая его часть, холодно наблюдающая за его игрой.

Авторское примечание: Наконец-то закончил воспоминания, писал и сердце болело... Эх.

<http://bllate.org/book/16541/1507466>